

МАЛООБЕСПЕЧЕННЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА УРОВНЯ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

Автор: Н. Е. ТИХОНОВА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН, профессор ГУ-ВШЭ.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы методологии анализа малообеспеченности и особенности её исследования в современной России. Анализ положения малообеспеченных показывает, что за некоторым обновлением в предкризисные годы их домашнего имущества скрывается реальное углубление разрыва между богатыми, с одной стороны, и бедным населением страны, - с другой.

Ключевые слова: *стратификация * социальные слои * бедность * статус * малообеспеченные * социальная структура * уровень жизни * доход * социальная мобильность*

В последние два десятилетия среди специалистов активно идут дискуссии о том, что же выступает в современном российском обществе структурирующим критерием в вертикальной иерархии статусов. Выдвигаются различные критерии. Одни (О. Шкаратан) говорят о власти как решающем критерии стратификации, поскольку рассматривают российское общество как позднеэтакратическое с традиционной для этого типа "сращенностью" власти и собственности, причем ключевую позицию в этом симбиозе, с его точки зрения, играет власть. Другие (В. Мансуров) видят основу стратификации в профессиональных статусах, что согласуется с западными традициями ее анализа. Третьи говорят, что в качестве такого критерия, самостоятельно или в комплексе с другими факторами, должен выступать прежде всего уровень материального благосостояния (З. Т. Голенкова, Л. А. Беляева, Т. И. Заславская и др.).

Критерий благосостояния активно используется для определения места человека в общественной иерархии социологами Западной Европы и, особенно, США. При этом в отличие от стратификации по традиционным для неовебериянской или неомарксистской традиций критериям выделения классов, представляющих обычно лишь академический интерес, стратификация по шкале "бедность - богатство" приводит в развитых странах к практическим выводам для государственной социальной и налоговой политики. Так, если в качестве основного критерия при такого рода стратификации используется уровень дохода, то это находит логичное завершение в определении шкалы

Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта N 08 - 01 - 0068 "Малообеспеченные в современной России: ресурс роста среднего класса или будущий низший класс?", выполняемого при поддержке ГУ-ВШЭ.

прогрессивного подоходного налога. Если это имеющееся имущество, то соответствующий анализ находит отражение в налоговой системе в виде дифференцированного на него налога. Если же это уровень жизни, то выявленная специфика образа жизни разных слоев и предметно-вещной среды их обитания отражается в менее распространенной, но все же применяемой в разных странах и в различных комбинациях акцизов на предметы роскоши или прямом их налогообложении. Стратификация общества по шкале уровня благосостояния широко используется также для целей борьбы с бедностью, стимулирования восходящей социальной мобильности из бедных и малообеспеченных слоев, реализации принципа социальной справедливости в целях повышения интегрированности и солидарности общества и т.п.

Особую актуальность стратификация по этой шкале имеет для России, традиционными проблемами для которой выступают границы локализации и легитимности бедности и богатства, а также наличие огромной массы малообеспеченного населения при относительно небольшой доле среднего класса и сравнительно незначительной численности глубокой бедности¹. Если же учесть неизбежное в результате экономического кризиса падение уровня жизни населения, то понятно, насколько обострится в ближайшее время положение малообеспеченных слоев.

Для понимания роли анализа динамики стратификации российского общества по критерию уровня благосостояния важно учитывать также, что точки зрения о том, что главным критерием стратификации в современном российском обществе выступает уровень материального благосостояния, придерживается и большинство населения России. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы на вопрос, чем руководствуются опрашиваемые, оценивая свое положение в обществе. Уровень материального благосостояния называют обычно в качестве одного из трех основных критериев определения своего статуса около 70% респондентов². На втором месте с показателем около 40% стоит образ жизни. Все остальные признаки (престижность профессии, должность, образование, уважение окружающих и т.д.) находятся в диапазоне 11 - 22%. А это значит, что любые изменения в материальном положении россиян повлекут за собой и изменения в их самоощущении места в обществе, скажутся на общем уровне социально-психологического благополучия. Учитывая возможный рост социальной напряженности, это означает необходимость понимания специфики социально-психологического состояния именно малообеспеченного населения, не настолько люмпенизированного, как бедные, чтобы не пытаться отстаивать свои интересы, но и не имеющего достаточных ресурсов как более благополучные слои, чтобы просто "пересидеть" кризис. В свете этого анализ ситуации с малообеспеченными слоями населения представляется чрезвычайно актуальным в практическом отношении.

В 2008 г., когда исследование, результаты которого излагаются в данной публикации, еще только задумывалось, проблема малообеспеченности и перспективы этого слоя населения представляли скорее теоретический интерес. Ведь в развитых рыночных экономиках малообеспеченные не рассматриваются как особая социальная группа и вообще "мало кого интересуют", так как, с одной стороны, малообеспеченность воспринимается обычно как прямое следствие принадлежности к низшим классам, характеризующимся определенным профессиональным составом, а с другой, - в отличие от бедных они не выступают объектом социальной политики [1].

В ходе анализа результатов проведенного в марте 2008 г. исследования "Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся?" стало ясно, что специфика малообеспеченности заключается в отсутствии жесткой связи уровня жизни с профессиональными статусами, хотя для представителей разных социально-профессиональных групп вероятность попасть в число малообеспеченных все же заметно различалась [2].

Учитывая, что в глобальной рыночной экономике, в которую все активнее интегрируется и Россия, долго такое рассогласование профессионального и экономического статусов существовать не может, оставалось предположить, что наиболее характерной особенностью малообеспеченности в ее российском варианте является огромная роль

внеклассовых факторов (места жительства, возраста, состава домохозяйств и т.д.). А следовательно, это временное явление, выступающее следствием определенной модели перехода России на рыночный путь развития и просчетов в социальной политике, и в ближайшие 5 - 10 лет эта группа может либо пополнить состав нижнего среднего класса, увеличив численность последнего, либо растратить свои ресурсы и "сползти" в состав низших классов.

Весной 2008 г. казалось, что в случае сохранения благоприятной для России экономической конъюнктуры с наибольшей степенью вероятности может реализоваться сценарий, который означал выход из малообеспеченности. Однако экономический кризис внес коррективы. С одной стороны, стало ясно, что в условиях кризиса, бессмысленно рассматривать особенности той части малообеспеченных, которая имеет высокую вероятность перейти в состав относительно благополучных слоев населения. Снялась с повестки дня и проблема анализа состава и особенностей положения, поведения и сознания той части нынешних бедных, которая за счет роста их реальных текущих доходов с наибольшей вероятностью могла пополнить в ближайшие годы состав малообеспеченных. С другой стороны, резко актуализировалось составление "социального портрета" малообеспеченных с учетом внутренней неоднородности этого слоя, оценки перспектив их превращения в один из низших классов российского общества, а также последствий этого для социально-экономического развития страны в целом.

Отправной точкой для анализа этого социального слоя по-прежнему остается вопрос о том, кого же можно рассматривать в качестве малообеспеченных. Методически при выделении социальных слоев по уровню их благосостояния можно использовать различные критерии - доход, имущество, сферу потребления и т.д. В данном исследовании использовался подход, основанный на выделении слоев, различающихся спецификой в сфере потребления, поскольку эти шансы, с одной стороны, определяют различия в образе жизни, а с другой, - за счет разных возможностей наращивания человеческого капитала предопределяют их жизненные перспективы в производственной сфере. Естественно, такого рода модели не могут рассматриваться как аналог классовых структур, являясь обычными одномерными стратификациями, построенными в рамках градационных подходов. Однако они более эффективны, чем основанные на делении по уровню доходов модели, поскольку позволяют выделить реально различающиеся уровнем их благосостояния группы с учетом как текущего, так и накопленного за многие годы благосостояния, а также характера и уровня потребления.

С учетом всех этих соображений в исследовании использован разработанный мной совместно с Н. М. Давыдовой и И. П. Поповой специальный *индекс уровня жизни* (ИУЖ) [3], на основе показателей которого и была затем построена соответствующая шкала вертикальной стратификации. Его основой являлась гипотеза о том, что в условиях глубокой социальной дифференциации (средняя заработная плата в феврале 2009 г. равнялась 500 долларов США³, а децильный коэффициент в 2007 г. составлял 16,8⁴) рассмотрение реального уровня жизни включает *не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации*, то есть испытываемых лишений. Таким образом, исходной гипотезой при построении ИУЖ выступало предположение, что *дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но в том, чего у нее нет*. Причем среди населения, не испытывающего реальной депривации, признаки благосостояния должны включать не только имущество, но и услуги, поскольку среди находящегося на одной и той же ступени материального благосостояния населения одна часть будет конвертировать свои ресурсы прежде всего в предметно-вещные компоненты среды, а другая - направлять их на потребление услуг, досуг и отдых. Соответственно, при расчете ИУЖ использовались такие **группы показателей** как субъективные оценки 1) наиболее значимых форм депривации; 2) имущественной обеспеченности; 3) недвижимости; 4) качества жилищных условий; 5) сбережений; 6) возможности использования платных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами.

Таблица 1

Основные параметры модели социальной стратификации российского общества по ИУЖ

Характеристики модели	2003	2009
Минимальные значения ИУЖ	-18	-15
Максимальные значения ИУЖ	39	44
Среднеарифметические значения ИУЖ	5,53	9,33
Медианные значения ИУЖ	5	9
Модальные значения ИУЖ	5	5

Общее количество учитываемых при построении ИУЖ индикаторов составило 46 единиц, а диапазон значений шкалы с учетом разного количества баллов, присваиваемых за наличие различных признаков⁵, составлял от -19 до +44 баллов по массивам общероссийских репрезентативных опросов разных лет. Построенная на этой основе модель социальной стратификации, на первый взгляд, мало изменилась за эти годы по своим контурам. (Об этой модели мы подробно писали ранее [3, 4]). Однако при внешней схожести моделей, их конкретные показатели заметно различались (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, минимальные значения модели (отражающие глубину депривации) за эти годы сократились, а максимальные выросли. Однако гораздо важнее другое - среднеарифметические и медианные показатели индекса уровня жизни в 2003 - 2009 гг. выросли почти вдвое. Казалось бы, это означает столь значительный рост благосостояния, что малообеспеченность в стране должна бы заметно сократиться. Однако так ли это на самом деле?

Понятно, что когда речь идет о шкале, имеющей столь большое число индикаторов, для дальнейшего анализа ее показатели надо укрупнять, выделяя социальные слои, характеризующиеся более-менее сходным в качественном плане уровнем жизни и жизненными шансами. Эта задача решалась в подпрограмме CHAID программы SPSS при анализе распределений ответов на 7 контрольных вопросов (о самооценке своего материального положения и социального статуса, об удовлетворенности местом в обществе, материальным положением и жизнью в целом, о соотношении дохода с уровнем региональной медианы и о выигрыше-проигрыше от реформ). В результате было выделено 10 основных страт российского общества, представители которых попадают в репрезентативные опросы, и еще одна, объединяющая элитные и субэлитные группы, которые в массовые опросы не попадают.

Как показывают данные исследований ИС РАН⁶, 2003 - 2009 гг. ознаменовались заметным (свыше 10% от населения в целом) ростом среднеобеспеченных и обеспеченных слоев с таким же сокращением числа бедных, причем основной скачок в этом отношении пришелся на 2008 - самый благополучный год за пореформенный период (см. табл. 2). В то же время, доля малообеспеченного населения практически не изменилась, и если в 2003 г. она составляла 40%, то в 2009 г. - 37%. Таким образом, на первый взгляд, *шло как бы "перетекание" части бедных в состав малообеспеченных, а части малообеспеченных - в среднеобеспеченные. В итоге 5 страта, пограничная для малообеспеченных и среднеобеспеченных, в массе своей в 2009 г. стала состоять из тех, кто лишь недавно "вырвался" из состояния малообеспеченности и не имел того "запаса прочности", как представители стабильно находящихся в составе относительно благополучных слоев домохозяйств.* К этому выводу мы еще вернемся, при анализе состава различных страт и последствий влияния на них разразившегося экономического кризиса.

Пока же посмотрим, с учетом особенностей потребительских стандартов и жизненных шансов представителей различных страт, на специфику последних, а также образа и уровня жизни малообеспеченных слоев. Последние на протяжении всех последних лет состояли из двух страт -3 и 4, которые, при значительном сходстве, имеют некоторые различия. Так, 3-я страта носит промежуточный характер и

Таблица 2 Численность основных слоев и страт российского общества, выделенных по критерию уровня жизни (% от населения в целом)

Слои, страты	2003	2005	2008	2009
Бедные слои	21	16	16	8
Нищие (1 страта)	8	6	6	3
Собственно бедные (2 страта)	13	10	10	5
Малообеспеченные слои	40	42	39	37
Балансирующие на грани бедности (3 страта)	13	13	11	10
Собственно малообеспеченные (4 страта)	27	29	28	27
Среднеобеспеченные слои	33	36	37	43
5 страта	16	16	17	19
6 страта	6	7	6	8
7 страта	7	8	8	9
8 страта	4	5	5	7
Обеспеченные слои	6	6	8	12
Благополучные (9 страта)	4	5	6	9
Богатые (10 страта)	2	1	2	3
Элита и субэлита (11 страта) ⁷	-	-	-	-

объединяет россиян, балансирующих на грани бедности. При этом для благополучных докризисных лет наиболее характерной тенденцией выступал переход в эту страту бывших бедных, в значительной части - хронических бедных, подчас проводивших в этом состоянии ряд лет. Характерной особенностью 3-й страты по отношению к двум нижним, заставляющей рассматривать ее как представителей другого социального слоя, является даже не столько уровень жизни, который по многим характерным признакам можно было бы охарактеризовать как бедность, хотя и менее глубокоую, чем у представителей двух нижних страт. Ее представители еще не люмпенизировались и ведут такой же (с точки зрения занятости, социальных контактов и т.д.) образ жизни, как и их более благополучные сограждане, что облегчает для них, при возникновении для этого благоприятных условий, переход в слои, характеризующиеся более высоким уровнем жизни. Впрочем, ее представители все же практически никогда не покидают состава малообеспеченных, и "путь наверх" означает для них лишь переход в 4 страту, а путь вниз - "сползание" в состав бедных (об особенностях жизненных траекторий различных типов бедных по данным многолетних наблюдений за панелью домохозяйств см.: [5, 6]). Поэтому наибольший интерес с точки зрения будущей судьбы малообеспеченных слоев представляет 4-я страта "классических" малообеспеченных, а также 5-я, чей портрет в 2009 г. демонстрирует, что может произойти с нынешними малообеспеченными в случае, если после завершения кризиса вдруг продолжится бурный экономический рост⁸.

Уровень жизни 4-й страты все последние годы являлся модальным для российского общества, в котором малообеспеченность давно уже стала нормой жизни населения. Задаёт он и тот стандарт потребления, который воспринимается россиянами как минимально приемлемый прожиточный минимум. Пребывание ниже этого стандарта вызывает активное недовольство, а выше - создает ощущение относительной благополучности. В то же время, стандарт этот столь скромный, что иначе как малообеспеченностью его не назовешь. Проиллюстрирую это на некоторых особенностях, позволяющих лучше понять портрет каждой из двух входящих в этот социальный слой страт и причины идентификации их как малообеспеченных, с одной стороны, и противопоставления их остальным слоям населения, - с другой. Начну с доходов (см. табл. 3).

Как видим, и ежемесячные среднедушевые, и ежемесячные индивидуальные доходы в домохозяйствах 1 - 2 страт (т.е. в бедных слоях населения) очень близки между собой, как и их медианные доходы. При этом в обеих стратах, впрочем, они выше, чем 60% от медианного уровня доходов, составлявшего в феврале 2009 г. 6000 руб.,

Таблица 3

Ежемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в различных странах (в рублях)

Доход ежемесячный среднедушевой в домохозяйстве	Страты									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Средний	5046	4788	5869	6014	6994	8203	9712	11786	14067	18040
Медианный	4500	4500	5000	5000	6000	7000	8550	9000	12000	18750
Доход ежемесячный индивидуальный (зарплата, пенсия, доход от бизнеса, стипендия и т.д.)										
Средний	5563	6040	7438	7686	9887	12287	12960	14748	17721	18575
Медианный	4700	5000	6100	6275	8000	10000	11750	11000	17000	17000

и намного отстают от среднеарифметического в целом по населению, попадающему в выборки массовых опросов (8 080 руб.⁹). Учитывая глубину депривации двух этих страт, это означает, что *так называемый относительный подход к бедности, используемый для целей социальной политики во многих развитых странах* (за границу бедности при нем принимается не стоимость определенной "корзины" товаров и услуг, а 50% или для менее развитых стран 60% от медианных для населения страны доходов) *в России не работает* "из-за очень низкого уровня этой медианы.

Очень похожи между собой по показателям текущих доходов (и среднеарифметических, и медианных) также обе группы, бесспорно относящиеся к малообеспеченным слоям страты. При этом дискуссионная и состоящая из, на первый взгляд, "вышедших" в последние годы из малообеспеченности 5 страта стоит совершенно особняком по показателям и медианных, и среднеарифметических доходов. Далее начинаются три среднеобеспеченные страты, в которых индивидуальные медианные доходы ближе, чем медианные среднедушевые. А это значит, что на различия в уровне жизни в данных стратах влияние оказывает не столько специфика положения их представителей в обществе в целом и на рынке труда, в частности, сколько ситуация с иждивенческой нагрузкой в их домохозяйствах. Таким образом, принадлежа, видимо, в массе своей к одному классу, они различаются по своим жизненным шансам в зависимости от внеклассовых по своей природе факторов. При этом даже 10 страта может рассматриваться как представитель верхних слоев лишь с большой натяжкой, так как хотя медианные среднедушевые и индивидуальные доходы превышают в ней общероссийские более чем вдвое (а именно эта грань обычно используется в англосаксонской традиции для выделения верхних слоев, начиная с верхнего среднего класса), но индивидуальные среднеарифметические доходы в ней немного "не дотягивают" до удвоенных среднеарифметических доходов.

Рассмотрим, что изменилось в состоянии малообеспеченных слоев в условиях кризиса. Хотя у двух нижних страт ежемесячные среднедушевые доходы были и остаются очень низкими (см. рис. 1), они все-таки выросли (что связано с высокой долей среди них пенсионеров, чьи пенсии росли и в этот период). Выросли они (также в значительной степени за счет пенсионеров) и у 3 страты, что практически выровняло текущие доходы в ней с 4 стратой. Однако для составляющей основную массу малообеспеченных 4 страты медианные доходы остались на уровне 2008 г. (5000 руб.). Практически неизменными остались в ней и среднедушевые доходы. Если в 2008 г. они составляли 5963 руб., то в 2009 г. - 6014 руб. Неблагополучной выглядит и ситуация в 5 страте, демонстрирующей абсолютно идентичную картину; с учетом роста цен абсолютные показатели фактически уменьшились. Неблагополучно выглядит ситуация и в 6 - 9-й стратах, однако в них есть накопленный запас прочности, которого нет в 4 - 5-и. Последние по итогам первых месяцев кризиса оказались в объективно наихудшем положении с точки зрения динамики их доходов.

Такая динамика отразилась на качестве их питания (см. рис. 2). У бедного населения массовыми являются оценки своего питания как плохого. При этом среди них 60% говорили о том, что после начала экономического кризиса их питание ухудшилось.

Рис. 1. Медианные душевые доходы представителей различных страт российского общества (*самооценка, в рублях*)

Рис. 2. Доля оценивающих свое питание как плохое в составе различных социальных групп (*% от соответствующих групп*)

У малообеспеченных последний показатель составлял уже 38%, а в 5-й страте - 23%. Лучше выглядела картина с удовлетворенностью ситуацией. Таким образом, для малообеспеченных экономия на питании означает все-таки, в отличие от бедных, возможность питаться в необходимом объеме, хотя и с ухудшившейся в период кризиса в ряде случаев структурой питания. В итоге, если еще в 2008 г. свое питание как хорошее малообеспеченные оценивали почти вчетверо чаще, чем как плохое, то в 2009 г. чаще встречались характеристики его как плохого (15%). Учитывая структуру расходов россиян и неэластичность в них расходов на питание, это означает, что в среде малообеспеченных малейший дисбаланс между ростом их доходов и ростом цен на продукты питания автоматически ведет к ухудшению их возможностей нормально питаться. Не случайно, говоря о том, в каких именно формах на них сказались негативные последствия кризиса, и малообеспеченные, и бедные в 61% случаев говорили о том, что они пострадали прежде всего из-за того, что цены выросли очень значительно. Начиная с 8-й страты об этой стороне кризиса говорило уже меньше половины их представителей.

Тяжело складывается для малообеспеченных и ситуация с доступностью необходимой медицинской помощи. И хотя они принципиально отличаются в этом вопросе от бедных, среди которых необходимую им медицинскую помощь (от операций до покупки лекарств) не могли получить 79%, по малообеспеченным этот показатель составлял ровно половину, в отличие от более благополучных 5 - 8-й страт, где две трети ее получили.

Таблица 4 Наличие товаров длительного пользования (ТДП) у представителей разных страт (2009 г.)¹⁰

Виды ТДП	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Телевизор цветной	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Холодильник	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ковер, палас	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Стиральная машина (любая)	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пылесос	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мебельный гарнитур (включая кухонный, стенку, мягкую мебель, шкаф-купе и т.п.)	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+
Видеомагнитофон	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+
Мобильный телефон	0	0	X	X	X	X	X	+	+	+
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль, тостер и т.п. бытовая техника	0	0	0	X	+	+	+	+	+	+
Электродрель, электро- или бензопила, др. инструмент	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+
Музыкальный центр	0	0	0	0	0	X	+	+	+	0
Отечественный автомобиль	0	0	0	0	0	X	+	+	0	+
Компьютер	0	0	0	0	0	X	X	+	+	+
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	0	0	0	0	0	0	X	X	X	+
Автомобиль-иномарка	0	0	0	0	0	0	0	0	X	+
Кондиционер	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X
Домашний кинотеатр	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X
Посудомоечная машина	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X
Спутниковая антенна	0	0	0	0	0	0	0	0	0	X
Импортные тренажеры	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

Характеристику динамики разных сторон жизни малообеспеченных, связанных с особенностями их текущих трат, можно было бы продолжать и ситуацией с одеждой, расходами на детей и т.д., однако главный вывод от этого не изменится. *Годы экономического роста действительно привели к сокращению численности бедных, и, в меньшей степени, малообеспеченных слоев. Тем не менее даже краткосрочного ухудшения их положения оказалось достаточно, чтобы началась жесткая экономия даже на таких жизненно важных расходах как расходы на питание и лекарства.* И хотя картину с малообеспеченными в этой области можно охарактеризовать скорее как удовлетворительную, чем как плохую (последнее бесспорно относится только к ситуации с бедными), столь малая устойчивость домохозяйств из этого социального слоя ставит вопрос о том, как же они распорядились тем приростом реальных текущих доходов, который фиксировался у них в докризисные годы?

Как оказалось, главным объектом при расходовании малообеспеченными этих средств выступало морально и физически устаревшее за годы полного безденежья домашнее имущество. Наиболее же интенсивное увеличение набора домашнего имущества пришлось на докризисные месяцы 2008 г. При этом рост благосостояния малообеспеченных в части их домашнего имущества происходил в основном за счет двух предметов - мобильного телефона и мелкой кухонной бытовой техники. Это, разумеется, не означало, что покупались только эти предметы, довольно активно шел в этих слоях и процесс обновления уже имевшихся ранее и, как правило, "доживавших свой век" еще с советских времен телевизора, холодильника, пылесоса или стиральной машины (см. табл. 4).

Как видно, в двух нижних стратах даже в период успешной экономической конъюнктуры, который переживала Россия в 2003 - 2009 гг., шла деградация имущественного потенциала, т.е. бедных за этот период стало, с одной стороны, меньше, а с другой, - они стали еще беднее. Из характерного для большинства представителей 1-й страты товарного набора исчезла стиральная машина (при этом надо понимать, что применительно к нижним стратам речь идет о советских стиральных машинах-полу-

автоматах типа "Эврики", которые постепенно приходят в полную негодность). Из товарного набора 2 - 1 страты исчезла сколько-нибудь пристойная мебель, поскольку под данной позицией в анкете подразумевались любые, даже самые дешевые комплекты мягкой мебели, стенки, шкафы-купе или кухонные гарнитуры.

Что же касается 3 - 5-й страт, то они характеризовались сохранением фактически неизменного набора домашнего имущества - к нему за 6 лет добавился лишь мобильный телефон, дешевые модели которого представители 1 - 2-й страт до сих пор не могут себе позволить. При этом в 4-й страте наряду с мобильным телефоном, присутствовавшим в ее товарном наборе уже в 2008 г., буквально за последний год перед кризисом появилось также кое-что из мелкой кухонной бытовой техники. Впрочем, многие купили СВЧ-печи, тостеры и т.п. в кредит, и этот кредит каждому 7-му из купивших их в последний год еще предстоит отдавать уже в условиях кризиса. Обращает на себя внимание и тот факт, что в товарном наборе 5-й страты исчез видеомаягнитофон. Это еще одно яркое свидетельство того, что нынешний состав данной страты - это в массе своей бывшие представители 3 и 4-й страт, которые видеомаягнитофона просто никогда не имели. Сейчас же видеомаягнитофон как объект покупок уже непопулярен, поэтому прирост домашнего имущества в этой страте шел за счет других ТДП.

Таким образом, несмотря на переход части бывших малообеспеченных в состав 5-й страты, реальный разрыв между ними и 6-й стратой, с которой в 2009 г. начинались верхние 40% благополучного населения, не сократился, а углубился, поскольку стандарт имущества в благополучных слоях населения изменился гораздо больше, чем в малообеспеченных. И по этому признаку *5-ю страту ныне можно рассматривать как наиболее успешную часть малообеспеченных, но не как часть благополучного населения.*

Глядя на эту картину и учитывая хорошо известную тенденцию "перетекания практик" потребительского поведения сверху вниз стратификационной лестницы, можно не только представить себе, как будет выглядеть со временем жизнь россиян с точки зрения ее "вещной" составляющей, но и понять, где проходят водоразделы между: 1) преуспевающей их частью, в полной мере пользующейся теми благами, которые принесли с собой реформы, обеспечившие изобилие на товарных рынках; 2) относительно благополучной их частью, которые могут не только поддерживать, но и расширять набор имеющихся у них товаров длительного пользования, обеспечивая себе возможность так называемого "стилевого потребления"; 3) малообеспеченным населением, которому в целом удастся поддерживать набор привычного домашнего имущества, но расширение его для них - трудноразрешимая проблема, и 4) быстро люмпенизирующейся частью населения, превращающихся из "бедных по доходам" в "социальное дно" городов и сел со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последнее, кстати, также заставляет думать, что массовая малообеспеченность в России - не столько следствие трансформационных процессов, сколько отражение процесса формирования "верхнего нижнего" класса, который будет существовать в российском обществе наряду с андерклассом, в который все больше превращаются российские бедные. *А это означает, что с точки зрения модели формирующейся социальной структуры Россия будет напоминать скорее США, чем Западную Европу.*

В этой связи стоит отметить также, что *если от бедных малообеспеченные отличаются прежде всего возможностью обеспечить себе достаточное питание, поддерживать дома определенный имущественный стандарт и даже, при определенных условиях, расширять его за счет относительно доступного имущества, то от более благополучных россиян они отличаются невозможностью добиться хоть каких-то значимых улучшений в своей жизни* - у большинства из них в последние 3 года вообще не было таких улучшений в жизни как рост благосостояния, улучшение жилищных условий, повышение на работе, рост уровня образования, наличие дорогостоящих приобретений, зарубежные поездки. А именно это, как я уже демонстрировала ранее [4], выступает ключевой характеристикой, своего рода "водоразделом", который делит благополучные и малообеспеченные слои.

Рис. 3. Доля представителей различных социальных групп, не имевших значимых улучшений в жизни за период 2003 - 2009 гг. (*самооценка, % от соответствующих групп*)

Как видно из рисунка 3, и среди малообеспеченных, и среди бедных доля тех, кто не мог обеспечить себе какие-то серьезные позитивные сдвиги в жизни, росла даже в период быстрого экономического роста. Более того - невозможность обеспечить их себе стала характеризовать в 2009 г. и 5-ю страту, которая раньше примыкала в этом отношении к более благополучному населению страны. Учитывая то, что говорилось выше об изменении состава и доходов этой страты, это означает, что перешедшие в нее люди с точки зрения ситуации с их жизненными шансами не изменили своей принадлежности. Следовательно, за сокращением численности 3 - 4-й страт стоит не уменьшение числа малообеспеченных в стране, а постепенное изменение, в условиях благоприятной экономической конъюнктуры, товарно-бытового стандарта жизни малообеспеченных, который при ухудшении этой конъюнктуры имеет все шансы столь же быстро вновь ухудшиться.

При этом *разрыв между пятью нижними, объединяющими около 60% населения, и пятью верхними стратами за последние годы заметно вырос*. Об этом говорит не только разница в углублении разрыва между ними в обеспеченности домашним имуществом, но и тот факт, что средние по массиву показатели наличия в жизни значимых позитивных сдвигов оставались в эти годы практически неизменными при одновременном росте неблагополучия в этом отношении среди представителей 5-и нижних страт.

Таким образом *за представляющейся на первый взгляд вполне благополучной картиной роста среднеобеспеченного и обеспеченного населения скрывается реальное углубление разрыва между относительно благополучным, с одной стороны, и малообеспеченным и бедным, с другой, населением страны*. Обновление и даже приращение "по мелочи" домашнего имущества в предшествующий экономическому кризису период относительного благополучия обернулись для этих слоев отсутствием у них всякого запаса прочности к моменту начала кризиса - не случайно 84% малообеспеченных не имеют никаких сбережений или инвестиций при том, что 26% их имеют разного рода долги, в том числе 10% - банкам по потребительскому кредитованию. Учитывая же относительное сокращение их текущих доходов, это означает, что *в ходе кризиса текущее потребление этих слоев сократится очень значительно, а если кризис затянется, то в них начнут нарастать и разного рода проявления депривации, которые в перспективе приведут и к переходу части их, в состав нижних двух страт*.

Это уже понимают представители 3 - 4-й страт, социально-психологическое состояние которых в итоге оказывается очень тяжелым, в отличие от 5-й, которая не в полной мере осознала опасность для себя начавшегося экономического кризиса. В итоге половина представителей 3 - 4-й страт живет с постоянным ощущением несправедливости происходящего вокруг (у бедных этот показатель 61%, а в стратах от 5-й и выше таких уже меньшинство), 37% часто ощущает, что дальше так жить нельзя (51% - у бедных, около четверти в остальных стратах), 45% (при 53% у бедных и примерно четверти в остальных стратах) постоянно испытывает страх за себя и своих близких.

Итак, как показал анализ положения малообеспеченных и его динамика за 5 лет экономического роста и в условиях кризиса, *идет постепенный, но достаточно активный процесс превращения малообеспеченных в низшие классы. Иногда в благополучные годы этот процесс может даже сопровождаться ростом благосостояния малообеспеченных, который, на первый взгляд, создает впечатление сокращения их численности. Однако на самом деле это небольшое, подчас к тому же обеспеченное возникновением кредитной нагрузки, изменение предметной среды обитания не создает для них качественно новых жизненных шансов на значимое улучшение их жизни и переход в слои, характеризующиеся иным уровнем и образом жизни.*

Даже в условиях экономического роста жизненные шансы для нижних шести децилей россиян относительно сокращались, а разрыв между ними и благополучными слоями населения нарастал. В условиях же экономического кризиса можно ожидать дальнейшего углубления этого разрыва. Это заставляет оценивать перспективы малообеспеченных в России и в ближайшей, и в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе как весьма плачевные. Однако за счет чего же и их сегодняшнее положение, и их судьбы столь разительно отличаются от ситуации в более благополучных слоях? Что же это за "заколдованные" десятки миллионов человек, которым и в период экономического роста не удается создать себе никакой "подушки безопасности", и в период экономического спада они страдают и раньше, и сильнее других? И есть ли возможность изменить сложившуюся с ними ситуацию? На эти вопросы предполагается ответить в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дефицит денежного дохода малоимущего населения, по данным ФСГС РФ, сократился с 5% в 2000 г. до 1,3% в 2007 г. при сокращении числа бедных примерно вдвое (http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01/htm). Это говорит о том, что бедность основной части российских бедных, рассматриваемых в качестве таковых ФСГС РФ, является относительно неглубокой. При этом, разумеется, выход из бедности за период с 2000 г. примерно четверти миллиона человек (рассчитано автором по: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01/htm) не означает попадание их в благополучные слои, а означает лишь переход в состояние малообеспеченности с риском вновь скатиться в бедность при первых же серьезных проблемах в экономике страны или в их собственной жизни.
2. Статистически же наиболее значимыми для самооценки своего статуса в обществе из десятков контролировавшихся переменных являются самооценка уровня материальной обеспеченности (коэффициент Пирсона в 2008 г. составлял 0,516) и удовлетворенность своим материальным положением (коэффициент Пирсона - 0,490).
3. См. официальный сайт ФСГС РФ: http://www.gks.ru/wages/wag_06.htm. Включены все суммы, начисленные работникам как в денежной, так и неденежной формах.
4. http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01/htm
5. В зависимости от того, носили ли соответствующие индикаторы "пороговый" для различных слоев характер, присваиваемые им балльные оценки дифференцировались от -3 до +4 за наличие соответствующего индикатора.
6. Речь идет об исследованиях "Богатые и бедные в современной России" (ИКСИ РАН, 2003), "Собственность в жизни россиян" (ИС РАН, 2005), "Социальное неравенство в социологическом измерении" (ИС РАН, 2006). Во всех этих общероссийских опросах, репрезентировавших население страны по полу, возрасту, типу поселения и региону проживания, выборка носила квотный многоступенчатый характер, а численность ее колебалась в диапазоне от 1506 до 2106 человек. Данные 2008 и 2009 гг. приведены по результатам общероссийских исследований ИС РАН "Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся?" и "Российская повседневность в условиях кризиса" с выборкой 1751 и 1749 человек соответственно.
7. Представители этой страты отсутствуют в массовых опросах и поэтому не представлены в таблице. Занижена в ней и численность 10 страты, также практически не попадающей в массовые опросы.
8. При всей маловероятности подобного сценария целесообразно рассмотреть также и его, поскольку он позволяет лучше понять границы возможных позитивных изменений в российском обществе в среднесрочной перспективе.

9. Реально же эти показатели должны быть выше не только потому, что население склонно занижать свои доходы в ходе опросов, но и потому, что наиболее высокооплачиваемая и высокодоходная часть населения в выборки массовых опросов просто не попадает - так, максимальный индивидуальный доход, указанный респондентами в массиве 2009 г., составлял всего 7000 рублей. Однако это обстоятельство в большей степени влияет на показатели среднеарифметических доходов, чем медианных.

10. В таблице "+" обозначено наличие, а "0" - отсутствие соответствующего вида ТДП в товарном наборе более чем 50% представителей данной страты. Выделенный жирным шрифтом "0" означает, что соответствующий ТДП за период 2003 - 2009 гг. исчез из имущественного стандарта данной страты, а выделенный жирным шрифтом "X" - что он в нем появился. Светлым фоном отражены наборы домашнего имущества, характерные для каждой страты в целом, а более ярким фоном - имущества, появившегося в этих наборах в период 2003 - 2009 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Coleman R., Rainwater L.* Social Standing in America: New Dimensions of Class. New York: Basic Books, 1978; *Dilbert D.* The American Class Structure. 6th edition. New York: Wadsworth Publishing, 2002.
2. Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / Под общ. ред. *М. Горикова* и *И. Тихоновой* // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2008. N 5.
3. *Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова ИЛ.* Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социол. исслед. 2004. N 6.
4. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация российского общества: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007.
5. *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М., Летний сад, 2003.
6. Health and health care in the new Russia / ed. *N. Manning, N. Tikhonova.* London: Ashgate publishing limited, 2008.